

ДЕЛЬФИНА
ДЕ ВИГАН

ПРЕДАННОСТЬ

ПРЕДАННОСТЬ

Преданность.

Невидимые узы, связывающие нас с другими людьми — и мертвыми, и живыми... Обеты, данные шепотом и откликающиеся потом неведомым эхом, безмолвная верность, уговор — чаще всего с самим собой, и выполнение приказов, которые никто не давал, и долг, прописанный на скрижалях памяти.

Законы детства, спящие в глубине взрослых тел, идеалы, во имя которых мы не сгибаемся перед силой, опора, которая позволяет выстоять, неписанные принципы, которые сковывают нас — и держат, как каркас. Наши крылья и вериги.

Взлетная полоса для разгона — и траншея, в которой вязнет мечта.

ЭЛЕН

Я решила, что мальчика бьют, — как-то сразу об этом подумала, может не в первые дни, но вскоре после начала занятий. Было в нем что-то такое — в походке, в поведении, в уклончивом взгляде, — уж я-то умею это распознать, знаю наизусть: такая привычка не выделяться, сливаться с фоном, не засвечиваться. Только меня не проведешь. Мне самой в детстве побоев выпало немало, и я скрывала их как могла, — так что ситуация знакомая. Я говорю «мальчик», потому что, ей-богу, иначе и не скажешь, — вы представляете, какие они в этом возрасте: волосы мягкие, совсем девчачьи, голос просто как у Мальчика-с-пальчика, движения еще так робки и нерешительны, а как они таращат глаза, когда удивляются, или прячут руки за спину, когда их кто-то отчитывает, и вроде крепятся изо всех сил, а губа вдруг задрожит, — ну так бы и простила им все авансом, раз и навсегда. Хотя несомненно, что именно в этом возрасте они могут по-настоящему наломать дров.

Через несколько недель после начала занятий я пошла к директору — поговорить насчет Тео Любина. Мне пришлось несколько раз объяснять, в чем дело. Нет, следов побоев не видно, он ни в чем таком не

признавался, но что-то в поведении ученика наста-
раживает, какая-то отчужденность, замкнутость,
уклончивость, стремление не привлекать внимания.
Господин Немур усмехнулся: не привлекать внима-
ния? Да разве полкласса не ведет себя так же? Да,
конечно, я понимала, что он имеет в виду: эту их
манеру сидеть пригнувшись, чтобы не заметили
и не вызвали отвечать, или уткнуться носом в сумку
и нашаривать там неизвестно что, или внезапно
разглядывать крышку стола так, словно от этого за-
висит экономическое будущее региона. Этих-то
я вычисляю, даже не глядя в их сторону. Но тут со-
всем-совсем другое. Я спросила, что известно про
ученика, про его семью. Наверняка можно найти
какие-то сведения в личном деле, какие-то замеча-
ния, характеристики предыдущих учителей. Дирек-
тор еще раз, более внимательно просмотрел ком-
ментарии к годовым и четвертным оценкам, и дей-
ствительно, некоторые преподаватели отмечали
в прошлом году его молчаливость, закрытость, не-
желание идти на контакт, но ничего больше. Он за-
читал мне эти замечания: «ученик — явный интро-
верт», «хотелось бы большей активности на уроке»,
«хорошие отметки, но ученик слишком замкнут» —
и дальше в том же духе. Родители в разводе, он жи-
вет по очереди с матерью и с отцом — банальнейшая
ситуация. Директор спросил, общается ли Тео с дру-
гими мальчиками из класса, — этого я отрицать не
могла, эта парочка вечно шастает вместе, вот уж
точно нашли друг друга, у обоих ангельские личики,
волосы одного цвета, одинаково светлая кожа, ну
просто близнецы. Я наблюдаю за ними в окно, когда
все выходят на перемене во двор, они словно еди-

ный организм — боязливый, неприрученный, как будто медуза, которая разом сжимается, как только ее тронешь, и снова расплывается, когда опасность минует. Тео улыбается очень редко и только тогда, когда он вдвоем с Матисом Гийомом и никто из взрослых не вторгается в их периметр безопасности.

Единственное, что привлекло внимание директора, это заключение медсестры в конце прошлого года. Ее справка не фигурировала в личном деле ученика, но Фредерик посоветовал мне на всякий случай сходить в медкабинет. Тео в конце мая попросил разрешения выйти из класса. Сказал, что у него болит голова. Медсестра отмечает его уклончивые ответы и противоречивые симптомы. Она обращает внимание на то, что у него красные глаза. Тео ответил, что он часто долго не может заснуть, а иногда не спит почти до утра. Внизу страницы она пометила красной ручкой: «ослабленное здоровье» — и вдобавок подчеркнула тремя красными чертами. А потом наверняка закрыла медкарту и убрала ее в шкаф. Расспросить медсестру не было возможности, потому что она уволилась из школы.

Не будь этого заключения, мне бы ни за что не добиться, чтобы Тео вызвала новая медсестра.

Я поговорила об этом с Фредериком, и тот явно забеспокоился. Он сказал, что мне не стоит принимать все так близко к сердцу. Он говорит, у меня усталый вид и я все время на взводе — он именно так выразился, — и я сразу вспомнила про нож, который отец держал в ящике на кухне — кто угодно мог взять, — он был с выдвижным лезвием, и отец, когда нервничал, все время автоматически нажимал на стопор, нож щелкал и выскакивал.